

О НОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Н. В. Козловская

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург
saga@kodeks.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема квалификации спорных высказываний в современной лингвистической экспертизе. Представлен обзор терминов, которые существенно соотносятся с устоявшимся понятием «утверждение о фактах»: фактивное высказывание, фактивное суждение, фактологичность. Общепринятый термин «утверждение о фактах» в ряде случаев заменяется на сходный: «утверждение о существовании фактов». На основе методов лексико-семантического и лексикографического анализа сделана попытка оспорить обоснованность использования термина «утверждение о существовании фактов» в лингвоэкспертной практике.

Ключевые слова: юрислингвистика, утверждение, лингвистическая экспертиза, утверждение о фактах, утверждение о существовании фактов, термин, терминологическая система, терминологизирующие, терминологизирующие, терминологизирующие тексты; терминологичность.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-012-00494 А «Лексико-семантическая неология в русском языке начала XXI века».

On new terms in modern forensic linguistics: the functional aspect

N. V. Kozlovskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg
saga@kodeks.com

The article addresses topical questions of terminology in modern Forensic Linguistics. Analysis shows objective difficulties arising where one tries to qualify controversial statements. As the terminology system of forensic linguistics is still in the process of formation, formally and semantically similar concepts are often used in linguistic expertise.

The article provides a brief overview of terms, which substantively correlate with the well-established notion of “fact statement”: *information, statement (evaluative statement), factual statement, factual judgment, factuality*.

The generally accepted term “fact statement” denoting this concept is part of the core legal terminology used in modern linguistics. Sometimes this term is replaced by a similar one: “statement about the existence of facts”. Building on lexico-semantic and lexicographic analysis, this paper attempts to challenge the eligibility of “statement about the existence of facts” as a term for forensic linguistic practices.

The article proves that the phrase “statement about the existence of facts” fails to conform to specific features expected of a term: a) it has no clear logical-semantic boundaries, and b) it is not found in other legalese-using texts or dictionaries. A lexicographical analysis revealed that the phrase “statement about the existence of facts” can be described as a sort of semantic tautology with clashing lexical meanings of the words “existence” and “facts”, both representing “reality”.

A semantic and lexicographical analysis of the usage of “statement about the existence of facts” proves its inappropriateness as a term for forensic linguistics.

The article argues that the phrase “fact statement” (the existence of the claim facts) cannot be accepted as a full-fledged or “mature” legal term.

Keywords: Forensic Linguistics, assessment, linguistic expertise, fact statement, term, term system, term-fixing text, term within text, term-generating text, terminability.

1. О метаязыке судебной лингвистической экспертизы

Проблематика статьи связана с процессами формирования и функционирования одного из участков метаязыка современной судебной лингвистической экспертизы: терминологические обозначения утверждений о фактах. Отправной точкой для исследования послужило использование отдельными экспертами необщепринятого терминологического словосочетания «утверждение о существовании фактов».

Термин «метаязык» представляется более удобным по сравнению с несколько громоздким терминологическим сочетанием «язык для специальных целей» (русская калька английского Language for Specific Purposes (LSP)). Вслед за И. С. Куликовой и Д. В. Салминой мы используем термин «метаязык» в обобщенном и в частновидовом смысле [Куликова, Салмина 2017]. При инвариантном употреблении термина на первый план выходит особая функция как сущность метаязыка, не зависящая ни от конкретного языкового воплощения, ни от описываемого объекта, в нашем случае — профессиональный лексикон лингвиста-эксперта. При употреблении термина в частновидовом смысле под метаязыком понимается «определенным образом сформировавшаяся и функционирующая в конкретной научной среде система терминов» [там же]: метаязык судебной лингвистической экспертизы.

В практике судебных лингвистических экспертиз по делам о защите чести и достоинства специалист должен квалифицировать ставшее предметом судебного спора высказывание как утверждение о факте, оценочное суждение, мнение или предположение. Одним из центральных понятий лингвистической экспертизы является «утверждение о фактах»: обозначающий данное понятие термин входит в ядро терминосистемы юрислингвистики как научно-практического раздела языкознания.

Несмотря на то, что понятие «утверждение о фактах» и его составляющие («факт», «утверждение») неоднократно охарактеризованы в многочисленных научных публикациях, в лингвистическом сообществе нет полного единства мнений относительно содержания данного термина. Несовпадение позиций экспертов, различие в понимании смысла понятия в ряде случаев приводят к серьезным ошибкам в квалификации содержания высказывания.

Вторая проблема связана с возникновением смежных понятий; этот процесс обусловлен излишней подвижностью, открытостью терминологической системы формирующейся области знания.

По справедливому замечанию А. А. Карагодина, «на примере утверждения о факте видно, что единого мнения о том, какими же признаками должна обладать данная форма, в юрислингвистической литературе нет. Одни лингвисты наполняют данное понятие логико-лингвистическим содержанием (эксперты ГЛЭДИС), другие, как например А. Н. Баранов, С. В. Доронина, используют для этих целей прагматические и семантические лингвистические теории (...). Для третьих (...) вообще нет четкого понимания того, какими языковыми признаками должны обладать утверждения о факте; фактически ими используется один признак — грамматическая форма повествовательного предложения» [Карагодин 2011: 472–473].

Основным объектом рассмотрения в настоящей статье является относительно новое словосочетание «утверждение о существовании фактов», встречающееся в некоторых экспертных заключениях наряду с общепринятым «утверждение о фактах». Представляется важным определить, насколько оно соответствует требованиям, предъявляемым к термину, и выявить его место в терминосистеме современной юрислингвистики.

2. «Утверждение о фактах» как термин судебной лингвистической экспертизы

Прежде чем перейти к анализу экспертного материала, представим краткий обзор терминов судебной лингвистической экспертизы, которые содержательно соотносятся с устоявшимся понятием «утверждение о фактах»: информация (дескриптивная, событийная), сведения, утверждение (оценочное утверждение), фактивное высказывание, фактивное суждение, фактологичность.

А. Н. Баранов соотносит *утверждение* как термин юрислингвистики с ассеторическими суждениями, в которых сказанное оценивается по критерию истинности. Утверждение как особый тип коммуникативного намерения противопоставляется предположению и выражению мнения [Баранов 2007: 25]. Идея ответственности говорящего за речевой выбор как важнейший аспект семантики утверждения раскрывается А. Н. Барановым в дефиниции термина: «Утверждение — это вербально передаваемая кому-л. информация

о том, что из нескольких возможностей имеет место некоторая одна, причем говорящий в той или иной степени берет на себя ответственность за сообщаемое, а сама информация передается в грамматической форме повествовательного предложения (...), которое не соотносится в явной форме с субъективными представлениями говорящего о действительности» [Баранов 2007: 32].

Модальный и онтологический критерии являются базовыми для выявления семантической и прагматической сущностей фактивного высказывания в большинстве работ, связанных с данной проблематикой. Так, С. В. Доронина признает главным признаком факта «объективность, внеаходимость по отношению к говорящему субъекту» [Доронина 2011: 344]. С семантической точки зрения фактуальность (фактивность) противопоставляется интерпретационности. С прагматической точки зрения различие фактивного суждения и мнения лежит в плоскости «объективное — субъективное»: «Фактивное суждение имеет внешний источник, оно представляет собой описание реально существующей ситуации. Мнение имеет ментальную природу, оно есть результат интеллектуального моделирования действительности» [Доронина 2011: 345].

На различие оппозиции «фактуальное / оценочное», «субъективное / объективное» в лингвистике и юридической сфере указывает Г. С. Иваненко: разница интерпретации указанной оппозиции лингвистами и юристами заключается в том, что в естественном языке и в лингвистике фактуальное и оценочное, субъективное и объективное неразрывно связаны, и эта связь проявляется в языковых единицах разных уровней. В юридической же сфере рассудочное и эмоциональное отграничены друг от друга, поэтому требование правовой системы к лингвистической экспертизе, заключающееся в необходимости строгой дифференциации фактуального и оценочного, часто порождает междисциплинарный конфликт (см.: [Иваненко 2006]).

М. А. Осадчий обоснованно отказывается от лингвистического термина «утверждение» в пользу правового термина «сведения», характеризуя последний с помощью четырех логико-лингвистических параметров. Реализация лексико-грамматического параметра заключается в наличии/отсутствии в спорном высказывании модальной рамки типа «мнение». Как пишет М. А. Осадчий, «этот параметр является самым простым и действенным» [Осадчий 2013: 31]. При отсутствии лексических маркеров субъективности используется

стилистический параметр: анализ экспрессивных изобразительных средств. Прагматический параметр сводится к выявлению интенций участников коммуникации. Особое внимание автор уделяет верификационному параметру, поскольку данный параметр не является собственно лингвистическим. Верификация факта осуществляется путем референции в область объективированных оценок, которые даются «в соответствии с какой-либо кодифицированной нормой на основании кодифицированного регламента» [Осадчий 2013: 49].

Для устранения терминологических разночтений Н. В. Обелюнас предложила использовать термины «событийная информация» (высказывание, достоверно отражающее на семантическом уровне какой-либо фрагмент реальности, которое можно верифицировать) и «оценочная информация» (высказывание, отражающее отношение говорящего к событийной информации). Для разграничения этих двух видов информации Н. В. Обелюнас использует формально-логический критерий (верифицируемость), связанный с формально-языковым (грамматически выраженная модальность). В этом случае, по мнению автора, «разграничиваются не факты и мнения, а утверждения о фактах и утверждения о ментальных состояниях говорящего, что отражается в модальности высказывания» [Обелюнас 2012: 14].

К. И. Бринев считает, что гносеологический критерий (заключающийся в том, что факт можно проверить на соответствие действительности, а мнение нет) не может быть положен в основание противопоставления фактов и мнения, прежде всего потому что «определение потенциальной проверяемости высказывания не входит в компетенцию лингвиста-эксперта» [Бринев 2014: 123]. С этой позицией не согласна О. В. Кукушкина, которая считает, что «лингвистические признаки конкретности и наблюдаемости события, о совершённости которого сообщается в утверждении, делают возможной его проверку на соответствие действительности» [Кукушкина 2016: 138]. Экспертом разработана методика, позволяющая отделить факты от мнений на основе четырех критериев: совершённость, верифицируемость, отсутствие альтернативы и побудительная («порочащая») цель.

Идею К. И. Бриневы о принципиальном различии юридической и лингвистической точек зрения на спорное речевое произведение развивает А. А. Карагодин, рассматривая юридическую оппозицию утверждения о факте и оценочного суждения, мнения,

предположения в сопоставлении с лингвистической оппозицией дескриптивной и оценочной информации в аспекте «описательное / предписательное», «факт / решение», см.: [Карагодин 2011, 2013]. Исследователь убежден, что некоторые спорные высказывания в принципе невозможно квалифицировать однозначно. К таким высказываниям А. А. Карагодин относит высказывания, «грамматически оформленные как повествовательные предложения, но содержащие фразеологизмы, метафоры и другие слова с эмоционально-экспрессивными компонентами значения, а также высказывания о будущих событиях, высказывания о намерениях другого лица» [Карагодин 2011: 474].

Сложность терминологического разграничения мнений и утверждений, а также проблема идентификации формы конкретных высказываний вызывают научные дискуссии, в ходе которых появляются новые термины и понятия. Так, Т. А. Распопова предлагает дополнить существующую в теории лингвистической экспертизы классификацию форм выражения высказывания (утверждение о фактах, мнение, предположение, оценочное суждение) оценочным утверждением. Под оценочным утверждением исследователь понимает «форму высказывания, сочетающую основную фактологическую информацию, эксплицирующую утверждение о факте, и дополнительную, оценочно-характеризующую информацию, репрезентирующую авторскую оценку этого факта» [Расопова 2017: 127]. Оценочные утверждения (например, «Х слепал дом»), по мнению Т. А. Распоповой, обладают свойством истинности-ложности и могут быть верифицированы.

3. Понятие «утверждение о существовании фактов»: содержание и дефиниция

Метаязык юрислингвистики пополняется двумя путями: новое понятие и обозначающий его термин выносятся на обсуждение экспертного сообщества или вводятся непосредственно в заключение специалиста.

Так, рассматриваемое в настоящей статье понятие «утверждение о существовании фактов» возникло именно в экспертной практике. Заслуживает особого упоминания тот факт, что «утверждение о существовании фактов» встречается только в одном из типов текстов, который в терминоведении принято называть

терминопорождающим. Различать терминопорождающие, терминопользующие и терминокфиксирующие тексты — в рамках подхода «от термина к тексту» — предложил В. М. Лейчик [Лейчик 2000: 20–30]. Текст экспертного заключения, в котором на основе процесса когниции происходит порождение нового знака метаязыка, является терминопорождающим. Терминопользующих текстов, в которых происходит восхождение на новый этап познания уже терминированного понятия «утверждение о существовании фактов», обнаружить не удалось. Важно отметить, что традиционно-го родо-видового определения новый термин не имеет, дефиниция носит описательный, контекстуальный характер: по сути дела, это анализ конкретного примера, сопровождающийся отсылками к судебным прецедентам ЕСПЧ. Считаю необходимым привести данный фрагмент текста полностью:

«Порочащий характер могут иметь также выраженные в утвердительной форме домыслы — выводы и суждения, в том числе негативно-оценочные, не основанные на каких-либо фактах. Высказывание *Иван склонен к коррупции* по форме является выводом, не подлежащим верификации, и само по себе не может быть проверено на соответствие действительности. Однако оно, несомненно, негативно характеризует Ивана и содержит пресуппозитивное утверждение о существовании фактов, позволяющих сделать данный вывод. Если говорящий не в состоянии привести истинные факты, на которых основан его вывод, такой вывод приравнивается к утверждению о фактах и должен быть признан порочащим; в противном случае он является обоснованным, позорит, но не порочит соответствующее лицо. Сами факты при этом могут быть изложены в тексте, соответствующие утверждения о фактах в этом случае подлежат верификации. При отсутствии в тексте информации о фактах, лежащих в основе вывода, эта информация может быть представлена автором текста в суд; ее достоверность может быть оценена судом. Данные положения нашли свое отражение в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который считает, что от издателей можно требовать демонстрации наличия у них достаточных фактических оснований в поддержку высказанного мнения. Так, в деле „Джерусалем против Австрии“ для защиты оценочного суждения от обвинений в диффамации ЕСПЧ потребовал наличия минимальной фактической основы: „Суд напоминает далее, что даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению,

пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным“. Эта позиция была изложена ЕСПЧ и в более ранних постановлениях, таких как „Де Хаэс и Гийселс против Бельгии“: „Если взглянуть на вещи в контексте данного дела, то обвинения, о которых идет речь, представляют собой не более чем мнения, истинность которых нельзя доказать по определению. Такие мнения могут быть преувеличенными и чрезмерными, в особенности при отсутствии какой-либо фактической основы...“» [Заключение 2012].

Представляется, что термин «утверждение о существовании фактов» трудно признать удачным и по форме, и по содержанию, поскольку в данном словосочетании наличествует семантическая тавтология, обусловленная совпадением компонентов лексических значений входящих в него слов («существование» и «действительность»). По данным Русского семантического словаря, *существование* (1) — это ‘наличие кого-чего-н в действительности, во времени и в пространстве’; *факт* — ‘действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует’ [РСС III].

Наличие совпадающих сем подтверждается и при сопоставлении лексических множеств, членами которых являются компоненты анализируемого словосочетания. Лексема *существование* наряду с лексемами *бытие* ‘существование любых жизненных реалий’, *данность* ‘то, что дано, что есть в наличии, объективная действительность’; *реальность* ‘действительность, бытие, существование’ входит в лексическое множество «Бытие. Небытие. Существование. Жизнь. Общие обозначения», которое, в свою очередь, входит в лексический класс «Бытие, жизнь, ее ход и проявления». Лексема *факт* входит в множество «Общие обозначения бытийных деятельностных состояний» и в класс «Бытийные ситуации, деятельностные состояния, положения вещей, сложившиеся жизненные обстоятельства, факты».

Поскольку существование есть бытийное состояние, сочетание «утверждение о существовании фактов» представляется неудачным для обозначения термина, поскольку остается неясным, как различаются «утверждение о фактах» (т. е. о бытийном состоянии фактов) и «утверждение о существовании (бытийном состоянии) фактов».

Формальное и содержательное сходство, а также проблема различения терминов проявляется в том, что словосочетания «утверждение о фактах» и «утверждение о существовании фактов» могут быть переведены на английский язык одинаково (Fact Statement), что свидетельствует о значительной близости семантики этих словосочетаний и о потенциальной сложности их различения в практике правоприменения.

Вторая проблема, связанная с потенциальным использованием нового термина в реализации судебных решений, обусловлена полиморфностью (нежесткостью) семантики лексемы *склонный*. Полиморфными, или мягкими, С. Д. Шелов называет такие термины и дефиниции, которые допускают различную интерпретацию, и поясняет, что «речь идет не о языковой многозначности, полисемии в любых ее проявлениях, а именно о различной интерпретации одних и тех же языковых выражений» [Шелов 2003: 69].

Полиморфные компоненты лексического значения выявляются при анализе дефиниций, включенных в словарную статью Большого толкового словаря под ред. С. А. Кузнецова:

СКЛОННЫЙ, -ая, -ое; -онен, -онна, -онно. *к чему и с инф.*
1. Имеющий наклонность, способность к чему-л. *С. к наукам. С. к занятиям музыкой, живописью. С. философствовать. Мы склонны идеализировать того, кого любим.* 2. Предрасположенность к чему-л. *С. к полноте, к сутулости. С. к диабету, к простудным заболеваниям.* 3. *обычно кратк.* Расположенный к принятию каких-л. решений, мнений, к осуществлению чего-л. *Склонен принять ваше предложение. Я склонен думать иначе. Не склонен дискутировать по данному постановлению. Склонен к мирному урегулированию конфликта.* [БТС].

Семантика прилагательного *склонный* позволяет по-разному интерпретировать высказывание. Можно утверждать, что в предложении *Иван склонен к коррупции* нет ни одного точно устанавливаемого факта: в качестве факта подается скорее оценка. Прилагательное *склонный* (используемое в данном случае, скорее всего, во втором значении), является лексемой с полиморфной, нежесткой семантикой. И действительно: что значит *склонен*? Означает ли это, что Иван неоднократно давал / брал взятку? Нет. Так, из предложения *Марья склонна к полноте* вовсе не вытекает факт «Марья полная / толстая»; но что при соблюдении определенных

условий или совокупности условий Марья может растолстеть. *Склонен к диабету* означает, что при определенном условии тот, о ком идет речь, может заболеть. Следовательно, семантика предиката не позволяет однозначно оценить подобные высказывания как фактуальные.

Остановимся подробнее на двух примерах: *N склонен к коррупции* и *N склонен к воровству*. Второй пример взят из статьи О. В. Кукушкиной, которая пишет о том, что любая негативная информация и любое мнение несут в себе сообщение о некоем факте, то есть обязательно содержат фактологический компонент: «Факт может обходиться без мнения, но мнение без факта — нет. Оно всегда касается какого-то факта (совокупности фактов) и без него не существует. <...> То есть мнение всегда вторично — это реакция на какой-то факт в виде его квалификации, оценки, выражения эмоций по его поводу, принятия какого-то решения, связанного с фактом» [Кукушкина 2016: 136].

Характеризуя метод фактологического квадрата, О. В. Кукушкина предлагает критерий совершенности: чтобы извлечь фактологическую составляющую негативного сообщения, нужно задать следующий вопрос: что он (лицо, организация) совершил негативного, по словам говорящего? Автор выделяет в высказывании *N склонен к воровству* две составляющие: факт и мнение. На основе фактологической информации о том, что N совершил некие действия, можно сделать вывод, что он имеет наклонности вора, т. е. имеет желание, намерения красть [Кукушкина 2016: 137].

В силу полиморфности значения прилагательного *склонен* за его речевым употреблением не обязательно стоят какие-либо активные действия, тем более действия негативного характера. Так, мнение о том, что кто-либо склонен к коррупции или к воровству, может быть сформировано на основе анкетирования, опроса и даже на основе впечатления о внешности. Ярким примером может послужить знаменитая теория Чезаре Ломброзо, который ставил преступное поведение человека в прямую зависимость от внешних морфологических признаков: формы черепа, строения ушной раковины, расстояния между глазами и т. д.

Следовательно, пресуппозицией высказываний *N склонен к коррупции* и *N склонен к воровству* (условие истинности или условие осмысленности) является смысл: N существует. N человек. Импликатура высказываний зависит от контекста.

Традиционно в практике лингвистической экспертизы подобные высказывания квалифицируются как выводы, умозаключения, т. е. мнения. Высказывания типа *N склонен к коррупции* и *N склонен к воровству* являются мнением, сформулированным как вывод, или мнением, основанным на фактах. Поскольку характер этих фактов неясен, экспертная квалификация «утверждение о существовании фактов» может затруднить принятие правильного решения в судебном процессе. Формальный подход к словам полиморфной семантики может порождать нежелательные результаты.

Каждый случай такого рода требует особого рассмотрения. На наш взгляд, целесообразно выявлять экспликацию фактологической и нефактологической составляющих информации, изложенной в форме немаркированных утверждений, пользуясь традиционной терминологией.

4. «Утверждения о существовании фактов»: анализ экспертного заключения

Перейдем к анализу фрагментов экспертного заключения, в котором фигурирует анализируемое понятие. В рассматриваемом кейсе представлен анализ текста выступления депутата З. перед жителями одного из районов Санкт-Петербурга. Тема выступления — расселение аварийного дома. Исследование направлено на выявление наличия / отсутствия негативной информации о строительной компании А. и формы выражения данной информации.

Из объемного текста выступления выбран фрагмент, который содержит высказывания, квалифицированные экспертом-лингвистом как «утверждения о существовании фактов». Первый фрагмент спорного текста — отрывок из публичного выступления депутата.

- (1) *На депутатский прием неоднократно приходили жильцы домов и говорили: «Нам создают невыносимые условия». В первый период людей расселяли по хорошим условиям, и на это потенциальный застройщик шел намеренно, для того чтобы распространить позитивную информацию о себе, то дальше людей ставили перед выбором: «Даем два миллиона — и сразу выезжайте, иначе останетесь и без этих денег».*

С целью удобства анализа фрагмент разделен экспертом на коммуникативные блоки. В процессе анализа выявлено содержание

каждого блока, характер информации, приведено обоснование. Первый аналитический блок состоит из одного предложения: *На депутатский прием неоднократно приходили жильцы домов и говорили: «Нам создают невыносимые условия».*

На основе словарных данных эксперт выявляет следующее информационное содержание данного высказывания: в период времени, когда осуществлялось расселение домов в квартале N, ряд жителей в связи с указанным расселением неоднократно обращались к депутату З. с жалобами на создание для них со стороны фирмы-застройщика нестерпимых, болезненных, неприятных для них условий проживания.

Форма анализируемого высказывания определена экспертом как «негативное явное утверждение о фактах». Основанием для этого вывода являются следующие лингвистические признаки: маркеры предположительности отсутствуют; субъект описываемого данным высказыванием действия является личным, выражен формой множественного числа существительного *жители*, относящегося к лексико-семантическому разряду нарицательных обозначений человека.

Следующее предложение также выделено в отдельный аналитический блок:

- (2) *В первый период людей расселяли по хорошим условиям, и на это потенциальный застройщик шел намеренно, для того чтобы распространить эту позитивную информацию о себе, то дальше людей ставили перед выбором: «Даем два миллиона — и сразу выезжайте, иначе останетесь и без этих денег».*

Данное высказывание, по мнению эксперта, включает информацию различных типов: мнение и т.н. утверждение о существовании фактов. Сведения о том, что некая не названная в тексте организация (компания-застройщик) вначале осуществляла расселение жителей дома по хорошим (то есть таким, какими они должны быть) условиям, относятся к оценочному типу и выражены в форме мнения говорящего. В этой же форме представлены сведения аналитического типа о том, что компания-застройщик создавала хорошие условия расселения с целью распространения о себе положительных сведений, т. е. создания репутации надежного делового партнера.

В данном отрывке спорного текста экспертом выделены и два т. н. утверждения о существовании фактов.

Первое утверждение о существовании фактов:

- (3) *по завершении начального периода расселения компания-застройщик перешла к практике расселения посредством предложения жильцам выкупа находящегося у них в собственности жилья по цене 2 млн. руб.*

Использование термина «утверждение о существовании фактов» вместо общепринятого «утверждение о фактах» эксперт объяснил тем, что адресант не называл конкретные факты описанных коммерческих предложений, связанные с выкупом конкретных квартир. На основе этого обоснования (отсутствие конкретики, детализации) данные сведения в выводной части квалифицированы не как утверждение о фактах, а как некое утверждение о существовании фактов.

Аналогичным образом эксперт охарактеризовал и присоединительное придаточное *иначе останетесь и без этих денег*, квалифицировав его содержание как угрозу или предостережение.

В этом случае использование термина «утверждение о существовании фактов» эксперт обосновал так: информация носит фактический характер, выражена в утвердительной форме, однако конкретные факты описанных угроз или предостережений, относящиеся к предложению выкупа той или иной конкретной квартиры, говорящий не назвал.

Из анализа предложенных примеров становится очевидным смысловой компонент, который отличает встречающееся в отдельных экспертных заключениях понятие «утверждение о существовании фактов» от общепринятого «утверждение о фактах»: отсутствие конкретности, описания вполне точных, определенных фактов, деталей.

Заметим, однако, что данный элемент понятийного содержания представляется слишком неопределенным, чтобы быть положенным в основу терминологического различения. Полиморфность и отсутствие точных критериев признака порождает противоречия уже в рамках проанализированного спорного текста. Трудно установить, где именно проходит граница между понятиями «конкретные факты» и «отсутствие конкретных фактов». Так, в первом фрагменте текста точные, детализированные, определенные конкретные

факты не названы или не уточнены: неясно, насколько длительным был первый период расселения, кто, сколько раз и в каком количестве приходил на прием к депутату — тем не менее содержащиеся в высказывании сведения квалифицированы как «явное утверждение о фактах». Заметим также, что во втором высказывании точных и определенных сведений даже несколько больше: например, предложена конкретная сумма в 2 миллиона рублей.

Нельзя не отметить наличие противоречия между контекстуальным определением «утверждения о существовании фактов» и текстовым функционированием этого словосочетания. В преамбуле к экспертизе говорится о фактах, существующих в пресуппозиции, а в тексте экспертизы — только об отсутствии конкретных фактов. Следовательно, в теоретическом обосновании «существующие факты» — это какие-то факты, предшествующие анализируемой коммуникативной ситуации, а в экспертном кейсе — это факты, представленные обобщенно, неопределенно, без детализации.

Кроме того, при сопоставлении аналитических блоков выявляются схожие черты семантики некоторых слов (оценочный компонент лексем «хороший» и «невыносимый») и возникает вопрос: почему фрагмент высказывания о хороших условиях расселения квалифицирован как мнение, а сведения о невыносимых условиях — как утверждение о фактах.

По всей вероятности, квалификация высказывания *На депутатский прием неоднократно приходили жильцы домов и говорили: «Нам создают невыносимые условия»* как утверждения о фактах является необоснованной. Данное высказывание содержит два блока информации: 1) сообщение о том, что жители приходили с жалобами; 2) сообщение о том, что они (жители) говорили при этом.

Поскольку высказывание оформлено как предложение с прямой речью, его составляющие не могут анализироваться как единое целое.

Сведения о том, что жители приходили на прием к депутату, дескриптивны (описывают действия объективной действительности), объективны (не содержат маркеров выражения субъективного мнения) и верифицируемы (могут быть проверены на соответствие действительности по протоколам приемов). Это негативная информация в форме утверждения о фактах.

Сведения о том, что некие условия для жителей были невыносимы, являются выражением мнения, так как отсутствует объективный критерий их верификации.

Оба слова, образующие словосочетание *невыносимые условия*, характеризуются полиморфностью (неопределенностью), поскольку допускают различные интерпретации. В данном случае речь идет не о языковой многозначности, а именно о различной интерпретации разными людьми одних и тех же языковых выражений. Для разных людей словосочетание *невыносимые условия* будет наполнено разным смыслом: невозможно, к примеру, определить однозначную, четкую границу, с какого количества квадратных метров на человека условия становятся «невыносимыми», «нестерпимыми», «болезненными». Неопределенность семантики анализируемых понятий не позволяет характеризовать реплику жителей как явное утверждение о фактах.

Необоснованным является и вывод о наличии угрозы в высказывании: *«Даем два миллиона — и сразу выезжайте, иначе останетесь и без этих денег»*.

Угроза в лингвистике понимается как средство выражения агрессии в ситуации рассогласованного общения, использующееся говорящим для достижения определенной коммуникативной цели [Эпштейн 2009: 217]. При этом адресант сообщения способен осуществить наказание за негативно оцениваемое действие или бездействие слушающего.

К. И. Бринев характеризует угрозу как способ психического воздействия, с целью вынудить жертву (адресата) к определенным действиям. Угроза как форма речевого поведения предполагает построение высказывания (цепи высказываний) в соответствии с определенной моделью:

- А) Думаю, ты не хочешь, чтобы я сделал тебе нечто плохое.
- Б) Думаю, ты знаешь, что я могу сделать тебе нечто плохое.
- В) Хочу, чтобы ты думал/ знал: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.
- Г) Говорю: если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое.
- Д) Говорю это для того, чтобы ты не делал X [Бринев 2014: 158].

В анализируемом высказывании отсутствуют компоненты угрозы В и Г, так как в тексте говорится только о возможных последствиях (*«останетесь и без этих денег»*), но чем именно могут быть вызваны эти последствия (действиями застройщика или какими-то внешними причинами), не говорится. Поскольку в приведенном высказывании нет прямого указания на действие и на субъект этого

действия («я сделаю тебе нечто плохое»), признаков угрозы как формы речевого поведения здесь нет.

5. Отвечает ли словосочетание «утверждение о существовании фактов» требованиям, предъявляемым к термину?

Вернемся к анализу словосочетания «утверждение о существовании фактов» с точки зрения его терминологичности.

Системность анализируемой единицы языка для специальных целей, т. е. взаимосвязь с другими терминами терминологической системы, обусловлена внутрисистемными гиперо-гипонимическими связями лексемы «утверждение», благодаря которым термин предстает в качестве гипонима по отношению к гиперониму «утверждение» и является согипонимом по отношению к «утверждению о фактах».

Если на лексическом уровне системность анализируемого сочетания «утверждение о существовании фактов» очевидна, то о включенности его в терминосистему лингвоэкспертологии говорить преждевременно, так как оно не отражено в терминоиспользующих и терминофиксирующих текстах.

На современном этапе формирования юрислингвистической терминосистемы спорное словосочетание (предполагаемый термин) используется только в одном типе текстов, который по отношению к нему является терминопорождающим. Это говорит о том, что термин находится на стадии формирования.

Данный термин не является общепринятым среди экспертов. Конвенциональность и наличие дефиниции относятся к обязательным, сущностным, важнейшим свойствам термина. Так, Н. З. Котелова, анализируя специфику термина и терминологии как одного из разрядов лексики, выделяет конвенциональность как «основное, неповторимое качество термина» и говорит о конвенциональности наименования и содержания существующего знака-термина [Котелова 2015: 26]. Следовательно, термин должен быть известен сообществу ученых, пользующихся этим термином.

Второе сущностное свойство термина — это наличие у него строгой, точной дефиниции, однозначность содержания. Анализ контекстуальных определений показал, что словосочетание «утверждение о существовании фактов» может быть соотнесено

с несколькими родовыми идентификаторами, что свидетельствует об отсутствии одного из важнейших признаков термина: точность семантических границ. Содержательное наполнение понятия «утверждение о существовании фактов» пересекается с понятием «мнение» и в ряде случаев подменяет его.

Анализируемое словосочетание является номинативной единицей, за которой стоит явление метаязыка, не удовлетворяющее требованиям к терминам. Попытка квалифицировать эту номинацию как терминоподобие или предтермин не была осуществлена, так как в терминоведении не нашлось двух разных источников, в котором качественная и количественная характеристики терминоподобных единиц совпадали бы, поскольку их понятийное разведение крайне затруднительно.

Несмотря на наличие некоторой степени терминологичности, словосочетание «утверждение о существовании фактов» в настоящее время не может быть признано термином: вхождение термина в метаязык судебной лингвистической экспертизы требует, чтобы данный термин был «зрелым», сформировавшимся, общепринятым и имел строгие логико-семантические границы.

Подводя итог размышлениям о терминологичности словосочетания «утверждение о существовании фактов», можно сделать вывод о необоснованности его использования в экспертных заключениях.

Литература

- Баранов 2007 — А. Н. Баранов. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Бринев 2014 — К. И. Бринев. Судебная лингвистическая экспертиза: Методология и методика. М.: Флинта; Наука, 2014.
- Доронина 2011 — С. В. Доронина. Факт: семантика и прагматика // Н. Д. Голев, К. И. Бринев (ред.). Юрислингвистика-11: Право как курс, текст и слово. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011.
- Иваненко 2006 — Г. С. Иваненко. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006.
- Куликова, Салмина 2017 — И. С. Куликова, Д. В. Салмина. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте. СПб.: Своё издательство, 2017.
- Карагодин 2011 — А. А. Карагодин. К вопросу о разграничении утверждений о факте и оценочных суждений в юрислингвистике // Н. Д. Голев,

- К. И. Бринев (ред.). Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2011.
- Карагодин 2013 — А. А. Карагодин. Разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений в ходе экспертного исследования спорного высказывания // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2 (30). С. 86–89.
- Котелова 2015 — Н. З. Котелова. К вопросу о специфике термина // Н. З. Котелова. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Кукушкина 2016 — О. В. Кукушкина. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 132–145. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=34327369&selid=27161920>.
- Лейчик 2000 — В. М. Лейчик. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. 2000. № 2 (5). С. 20–30.
- Обелюнас 2012 — Н. В. Обелюнас. Конфликт интерпретаций текстов в аспекте оппозиции событийной и оценочной информации (на материале текстов российских СМИ). Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кемеровский государственный университет, 2012.
- Осадчий 2013 — М. А. Осадчий. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Распопова 2017 — Т. А. Распопова. Утверждение о фактах, мнение, предположение и оценочное утверждение как формы выражения высказываний в лингвистической экспертизе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского гос. ун-та. 2017. № 1 (9). С. 121–128.
- Шелов 2003 — С. Д. Шелов. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003.
- Эпштейн 2009 — О. В. Эпштейн. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (3). С. 216–220.

Источники

- БТС — С. А. Кузнецов (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.
- Заключение 2012 — Заключение комиссии экспертов-лингвистов № 39-10/12 от 22.10.2012 г. Электронный ресурс. URL: <http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf> (дата обращения 27.07.2018).
- РСС III — Н. Ю. Шведова (ред.). Русский семантический словарь. Т. III: Имена существительные с абстрактным значением. М.: Азбуковник, 2003.

References

- Baranov 2007 — A. N. Baranov. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta; Nauka, 2007.
- Brinev 2014 — K. I. Brinev. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: Metodologiya i metodika [Forensic linguistic expertise: Methodology and methods]. Moscow: Flinta; Nauka, 2014.
- Doronina 2009 — S. V. Doronina. Fakt: semantika i pragmatika [Semantics and pragmatics of fact]. N. D. Golev, K. I. Brinev (eds.). *Yurilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2011. P. 342–349.
- Ivanenko 2006 — G. S. Ivanenko. Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii [Linguistic expertise in court cases on protection of honor, dignity and business reputation]. Chelyabinsk: Poligraf-Master, 2006.
- Kulikova, Salmina 2017 — I. S. Kulikova, D. V. Salmina. Lingvisticheskaya terminologiya v professionalnom aspekte [Linguistic terminology in professional aspect]. St. Petersburg: Svoye izdatelstvo, 2017.
- Karagodin 2011 — A. A. Karagodin. K voprosu o razgranichenii utverzheniy o fakte i otsenochnykh suzheniy v yurilingvistike [On the issue of differentiation of statements of fact and value judgments in Forensic Linguistics]. N. D. Golev, K. I. Brinev (eds.). *Yurilingvistika-11: Pravo kak diskurs, tekst i slovo* [Juridical linguistics-11: Law as a discourse, text and word]. Kemerovo: Kemerovo State University Press, 2011. P. 469–480.
- Karagodin 2013 — A. A. Karagodin. Razgranicheniye utverzheniy o faktakh i otsenochnykh suzheniy v khode ekspertnogo issledovaniya spornogo vyskazyvaniya [Differentiation of statements of facts and estimates in the course of expert study of the controversial statement]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2013. No. 12-2 (30). P. 86–89.
- Kotelova 2015 — N. Z. Kotelova. K voprosu o spetsifike termina [To the question of the specificity of the term]. N. Z. Kotelova. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015.
- Kukushkina 2016 — O. V. Kukushkina. Negativnaya informatsiya: utverzhenie o fakte ili vyrazhenie mneniya? [Negative information: fact statement or opinion?] *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*. 2016. No. 3. P. 132–145.
- Leychik 2000 — V. M. Leychik. Problemy otechestvennogo terminovedeniya v kontse XX veka [Problems of terminology studies in Russia in the late XX century]. *Voprosy filologii*. 2000. No. 2. P. 20–30.
- Obelyunas 2012 — N. V. Obelyunas. Konflikt interpretatsiy tekstov v aspekte oppozitsii sobytiynoy i otsenochnoy informatsii (na materiale tekstov rossiyskikh SMI) [Conflict of text interpretations in the aspect of opposition

- between event and evaluation information (based on the texts of Russian mass media). Author's abstract of a phil. cand. diss., Kemerovo State University]. Kemerovo, 2012.
- Osadchiy 2013 — M. A. Osadchiy. Russkiy yazyk na grani prava: Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi [Russian language on the verge of law: Functioning of the modern Russian language in terms of legal regulation of speech]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013.
- Raspopova 2017 — T. A. Raspopova. Utverzhdenie o faktakh, mnenie, predpolozhenie i otsenочноe utverzhdenie kak formy vyrazheniya vyskazyvaniy v lingvisticheskoy ekspertize [Statement of facts, Opinion, Assumption and Value statement as types of utterances in Forensic Linguistics]. *Yezhegodnik NII fundamentalnykh i prikladnykh issledovaniy Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 1 (9). P. 121–128.
- Shelov 2003 — S. D. Shelov. Termin. Terminologichnost. Terminologicheskie opredeleniya [The Term. Terminology. Terminological definitions]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University Press, 2003.
- Epshtein 2009 — O. V. Epshtein. Yazykovoe oformlenie rechevogo akta ugrozy (na materiale angliyskogo politicheskogo diskursa) [Language explication of a Threat Speech Act (based on English political discourse)]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2009. No 1 (3). P. 216–220.

Sources

- BTS — S. A. Kuznetsov (ed.). Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint, 1998.
- Zaklyuchenie 2012 — Zaklyuchenie komissii ekspertov-lingvistov № 39-10/12 ot 22.10.2012. [Conclusion of the Commission of Linguistic Experts № 39-10/12 from 22.10.2012] (online resource). Available at: [//www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf](http://www.rusexpert.ru/assets/files/expertizy/3.pdf) (accessed on 27.07.2018).
- RSS III — N. Yu. Shvedova (ed.). Russkiy semanticheskii slovar [The Russian Semantic Dictionary]. Vol. III: Imena sushchestvitelnye s abstraktnym znacheniem [Nouns with abstract meaning]. Moscow: Azbukovnik, 2003.